

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Александр КАРАСЁВ

ЧЕЧЕНСКИЕ РАССКАЗЫ

МАЛАЯ СБОРКА - ВОЙНА

18+

Александр Карасёв

**Чеченские рассказы.
Малая сборка. Война**

«Автор»

2023

Карасёв А.

Чеченские рассказы. Малая сборка. Война / А. Карасёв —
«Автор», 2023

Александр Карасёв родился в 1971 году в Краснодаре. Окончил истфак и юрфак КубГУ. В звании лейтенанта командовал взводом внутренних войск на чеченской войне. Известность писателю принесла книга «Чеченские рассказы», ставшая открытием года Бунинской премии (2008). Эта книга о том, как вживается, втягивается в войну нормальный человек, как война становится его жизнью, становится очень быстро и незаметно для него самого.

© Карасёв А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1. Нормальный	6
2. В Ведено	8
3. Капитан Корнеев	10
4. Безбашенный	19
5. На выезде	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Александр Карасёв
Чеченские рассказы. Малая сборка. Война

*Автор рекомендует читать рассказы в выстроенной
последовательности.*

1. Нормальный

В канцелярии второго батальона писарь Лена Халяпина заполняла ротный журнал. Слева от неё на стуле томился лейтенант Кудинов, три дня назад устроившийся в полк.

– ... Там намного лучше... – говорила Лена.

– Где там?.. – Кудинов брал из книжного шкафа чью-то фуражку и пробовал ногтем прочность крепления орла к тулье.

– В ГУВД...

«От школьной программы вернулась к мужу», – соображал Кудинов и спрашивал, чтобы что-то спросить:

– Он там тоже на майорской должности?

– На капитанской... Не карьерист он у меня, видишь... Дурные вы все, мужики... Ты только пить не начинай – сопьёшься.

– Почему сопьюсь?

– А здесь все спиваются. Которые нормальные.

– А я нормальный?

– Нормальный... Видишь, видно по тебе...

Болтливая писарша отставляла журнал, смотрелась в зеркальце, пудрилась, подкрашивала губы: «Личико на мордочке нарисую...» Рассказывала то о математичке, замучившей сына математикой, то об удивительных ценах в Белоруссии. Вспоминала былую службу.

Начинала служить Лена с мужем на зоне. Когда ещё полк был конвойным. И там было хорошо.

– А здесь?..

– А что здесь?.. Здесь цирк бесплатный. Только никому не весело почему-то... Сам увидишь... Зря ты сюда пришёл.

В окно пробивались приглушённые команды. На плацу строился жидкими батальонными, дивизионной и ротными колоннами полк. От январского воздуха из форточки хотелось поёживаться. Но всё равно было душно.

– Командир полка у нас дикорастущий, – продолжала Лена.

– В смысле?.. какой?..

– Видишь, молодой-прыткий, с лапой наверху. Из академии к нам прибыл... Дикорастущий, потому что растёт, как баобаб, – карьерист. Здесь быстренько всё завалит, пойдёт на повышение. Там всё завалит...

– Он в Чечне сейчас?

– Приехал... На выходных. Скоро появится...

– А ротный был в Чечне?

– Борисенко?.. Зачем ему там быть?.. Ему и здесь хорошо. Он у нас с бойцов капусту стриждёт¹. Они сейчас с выезда богатенькие буратинки... Видишь, уже машину купил...

Резко открылась дверь (Кудинов вздрогнул). Зашла женщина в камуфляже:

– Ты слышала?.. Боец погиб на выезде...

– Откуда?

– Из третьего батальона.

– А-а... Это не наш... Чай будешь из термоса?..

Кудинов бросил на голову шапку, взял бушлат.

– Ты куда?.. Борисенко сейчас придёт с построения.

– Сейчас прииду...

---

¹ См.: Примечания.

Застёгиваясь, Кудинов посмотрел на себя в зеркало в бытовом уголке, выровнял на голове новенькую шапку.

В расположении на заправленных кроватях лежали солдаты – человек пять или шесть. Один какой-то заморенный солдат сидел на табурете и иголкой с ниткой на всю длину руки подшивал подворотничок.

«Не наш... богатенький... из третьего батальона буратинка...» – бормотал Кудинов, идя по узкому коридору, мимо туалета, душевой, потом мимо поста дежурного и помещения столовой.

У КПП дневальные скрежетали лопатами – счищали с асфальта мокрый пепельный снег. Прошёл строй солдат, с автоматами, в бронежилетах и в касках, нахлобученных на шапки. Старший лейтенант покрикивал: «Подтянись... Савельев!.. Ногу взяли!..» Открывали ворота. В них с визгом въехал уазик, выкрашенный в милицейские цвета.

Отдав честь какому-то подполковнику, Кудинов вышел за КПП.

В кафе-закусочной он взял кружку пива. Подумал и попросил пятьдесят грамм водки. Есть не хотелось.

Здесь не было кондиционера, была открыта дверь. Играла блатная музыка. Пьяный майор, дымя сигаретой, говорил, что на «боевые» нужно брать не машину, а дачу без прописки: «Обязательно дачу, а не квартиру!» С ним соглашался капитан: квартиру могут и так дать – всякое бывает. Другой капитан, в зимнем камуфляже, отстаивал машину.

– Вы нахватили блин-уже этих машин!.. И бьётесь один за другим по пьянке!.. – разъярялся майор.

Были и штатские – два пролетарского вида мужика, закусывающие сосисками, и компания студентов в углу.

Кудинов сидел у большого окна, рассматривал улицу.

Там бурлила жизнь. Люди шли на рынок и с тяжёлыми пакетами спешили на остановку автобуса или к маршруткам. Улыбающийся парень вышел из торгового павильона с букетом алых роз. Выезжали на тротуар и разворачивались замызганные машины.

На той стороне дороги знакомый Кудинову прапорщик долго покупал у бабушки сигареты: выронил пачку, нагнулся за ней, снова выронил.

У маршруток девушка с длинными ногами под короткой шубкой заигрывала с водителем. Девушка обернулась и оказалась некрасивой.

Дорогу перебежали школьники и собака. Загородив тротуар, солидный армянин в норковой шапке с достоинством ел пирожок. Его обходил идущий в закусочную капитан Борисенко.

«Нужно было взять сто», – подумал Кудинов, отхлёбывая ёрш.

2. В Ведено

На траве, расстегнув кителя под апрельским солнцем, полулежат старший лейтенант Лихолат и майор Сосновников.

Сосновников, помятый и красный, говорит Лихолату, маленькому и сердитому:

– Вышел приказ: всем чернобыльцам орден Мужества. Мне Обойщиков: «Пиши наградной»... Мы с Полуэктовым. Водки. Захреначили наградной... Пышляем... Звонит Обойщиков: «Ты чё-то слабо написал. Не тянет на Мужество. Перепиши»... Я Полуэктова. Водки... Захреначили новый наградной. Пышляем... Звонит Обойщиков: «Ты чё охренел?! Тут как минимум на Героя, а максимум ещё награду не придумали такую. Перепиши»... Я Полуэктова, водку. Хренячим средний наградной. Отправляем... Ни ответа, ни привее...

– Восьмая командировка!.. – перебивает Лихолат, – Да... я в атаку не ходил... Но делал... что надо делать... задачи-бля... Хоть бы нахер «За охрану общественного порядка»...

– Да это херня...

– Нормальная медаль! – Лихолат ёрзает на траве и дуется, как карапуз, лишённый игрушки.

Два солдата в защитных майках проносят флягу с водой. Бойцы из разведроты заходят на новый круг. На их лоснящихся торсах в такт качаются новенькие жетоны. Они бегут круг за кругом, как часы с маятником.

К Лихолату и Сосновникову подходит капитан Борисенко с лицом побрившегося весёлого орангутанга. (Я думаю, что Борисенко умеет шевелить ушами.) Солдаты с флягой шархаются от бегущих разведчиков, разливая воду. Лихолат кричит: «Ты чё ахринел, боец?!» – и порывисто сдаёт карты.

Борисенко улыбается сердитому виду Лихолата. Или он улыбается от весеннего солнца и молодости... а может, от всего вместе, и от известия, что сегодня не поедет – Борисенко

трусит ехать в батальон и рад каждому лишнему дню в Ведено. «Ни хрена не поедим сегодня», – говорит Борисенко, потягиваясь за веером карт.

Я не подхожу к ним, я «пиджак», и они меня не замечают. Мне неуютно, я хочу побыстрее в батальон.

3. Капитан Корнеев

1

Я и несколько бойцов были выгружены с брони на горную дорогу у одного из наших взводных опорных пунктов. Сопровождающий капитан должен был половину солдат и часть почты везти на следующий ВОП, но вышедшему к нам офицеру он передал поручение отправить бойцов при случае дальше, запрыгнул на бэтэр и уехал.

– Ну что ж, пойдёмте.

Обращение на «вы» приятно удивило меня и сразу расположило к офицеру. За два месяца в полку я уже привык к тому, что и старшие лейтенанты, и капитаны, и майоры – все друг с другом на «ты» и при солдатах называют себя Вадиками и Димами. Позже мы, конечно, перешли на «ты», но первое благоприятное впечатление об этом человеке навсегда осталось у меня и сопротивлялось потом всему тому, что говорили о нём плохого, как и всегда злословят сослуживцы о каждом за глаза.

Я, с большой малоподъёмной сумкой на плече, и следом бойцы, стал подниматься на ВОП за офицером. Это и был капитан Корнеев, о котором я уже слышал и в чьё распоряжение, с последующей его заменой, поступал. На вид ему было лет тридцать, а пожалуй, и больше; он был в афганке навывпуск без знаков различия, ремня и автомата. С десятков солдат – некоторые из них были по пояс раздетыми, остальные в расстёгнутых кителях, и все без оружия – стояли на скате, чтобы, как водится, «по-стариковски», принять необстрелянное пополнение, получить письма и найти земляков. Лишь наличие пулемётчика в окопе с амбразурой могло говорить мне о том, что я попал на опорный пункт в Чечне; впрочем, солдат у пулемёта вальяжно развалился и положил каску на бруствер.

Тогда, переполненный впечатлениями от полёта в «корове», от позиций полка, с врытыми в жёлтую глину БМП, на высоте над большим чеченским селом, от езды в колонне, всего этого обилия вооружений и от смутного ощущения дыхания войны; разбираемый рвением молодого офицера, видевшего ещё смысл в своей деятельности; обладающий свежей энергией, направленной на то, что кажется нужным, подспудно я отмечал недостатки службы.

За мелкими серыми ветками деревьев скрывалась полевая кухня, стояло подобие стола – доска на пнях; с приделанной к дереву перекладины спрыгнул длинный рыжий боец. Капитан в шутку, но больно ударил рыжего под дых, тот согнулся надвое и через смех завыл. Мы вошли в землянку.

В землянке на кроватях лежали сержанты-срочники, как позже я узнал, Тёма и Кошевой; капитан согнал белобрысого Тёму с кровати, которую определил мне.

– В этом углу не так течёт.

Нашёлся и спальник, я быстро устроился и, осторожно обойдя железную печку с жестяной трубой, выведенной в потолок, сел напротив капитана на стул. Корнеев писал что-то в тетради, готовил ВОП к сдаче, гонял поварёнка распоряжениями о чае, вызывал вышедшего из землянки от греха подальше Кошевого, давал указания по боеприпасам. По реакции бойцов видно было, что они боятся своего командира.

2

Из маленького окошка свет пыльной струей падал на лицо Корнеева, несколько одутловатое, простое, носившее тот налёт недовольства, который всегда в лицах военных людей, но без наглости и напыщенности. Глаза капитана не были окончательно потухшими, как у большинства офицеров его возраста, и из-под угрюмо сдвинутых бровей смотрели не зло. Капитан был

небрит и вообще выглядел по-домашнему, как будто находился на загородной даче (и на дорогу он выходил в домашних матерчатых тапочках). Отталкивали дачный мирный образ висевший над кроватью капитана автомат, граната на столе и стоявшие повсюду в землянке, под кроватями и у входа, ящики и цинки с патронами; один цинк был открыт, и я брал в руки и рассматривал патроны – это были трассера. Корнеев оторвался от своих подсчётов и спросил, как мне показалось, со смущением:

– А водка есть у вас?

К моему сожалению и ещё большему сожалению капитана, я должен был ответить, что водки не осталось, что партия добиралась в Чечню так долго и в полку так долго ждали колонну на ВОПы, что обе мои бутылки с водкой и даже полуторалитровка тестевского самогона закончились.

– Да, это плохо... Плохо. – Чувствовалось, что капитан после моего прибытия долго ждал, чтобы спросить о водке, тянул, и вот теперь не мог скрыть разочарования. Но, однако, на меня он не обиделся, списав всё на превратности судьбы. – Ничего завтра пошлю Тёму, достанем.

После обеда, состоявшего из каши с тушёной (наш офицерский стол, кроме того, усиливали сельдь в масле и внушительный кусок сыра), я был представлен взводу и сказал вдохновенную речь о близости коварного врага (о которой за несколько месяцев службы на ВОПах бойцы позабыли), о создании непрерывной круговой обороны и соблюдении дисциплины. За дисциплину я взялся тут же: застегнул всех, запретил снимать на позициях кителя и обязал постоянно находиться с оружием. Очень согласный со всем этим Корнеев сказал, в свою очередь, что теперь у них есть командир взвода:

– ...Все его приказы выполнять беспрекословно и ко мне обращаться только в самом крайнем случае. Понятно всем?!..

Бойцы без воодушевления выцедили «понятно» и разошлись выполнять поставленную задачу, всегда одну на взводном опорном пункте – углубление старых окопов и рытьё новых. Я же с рвением взялся за руководство и к вечеру уже имел дурную репутацию у солдат, привыкших у капитана к расслабленному ритму службы. Корнеев за три месяца в Чечне от всей военной деятельности устал и почти устранился, ему уже не было до окопов дела. Потом я узнал, как морально тяжело именно на четвёртом месяце в Чечне, как притупляется инстинкт самосохранения и всё валится из рук, позже это проходит, но лучше всё-таки смениться.

3

На следующий день я старшим на бэтэре с притороченной к нему сзади бочкой ехал за водой и за водкой. Почувствовал я себя неловко, оттого, что ничего не знал о том, как должен себя вести старший брони; но я сообразил, где командирское место (впереди справа), водитель мне заботливо подал из люка одеяло-подстилку. Тёма уселся слева от меня. Он был расслаблен и небрежен. Я успокоился и положился на его опыт, тем более что быстрая езда, ветер, обдувавший лицо, увлекли меня. По сторонам возвышались горы, только начинавшие покрываться зеленью (все ждали этой зелени – «зелёнки», говорили, что война вспыхнет с новой силой), справа внизу под дорогой текла мелкая горная река. Мы въехали в небольшой посёлок Беной. День был ясный, по-летнему солнечный. У колодца развернулись, бойцы стали набирать воду. Самые обычные дома, низкие, с невысокими крышами, как хаты в донских станицах, в огороде женщина копала, старики сидели на скамейке. Я смотрел на людей, а они смотрели на меня, в их спокойных взглядах не было враждебности. Я держал в руке автомат и стоял на чужой земле; чувство силы, опасности, гордости, чувство русского офицера, на которого смотрят, смешались во мне. Вероятно, напоказ, я даже пытался командовать, но Тёма и бойцы не первый раз ездили сюда за водой и знали всё лучше меня.

За водкой мы поехали в другой посёлок, Сержень-Юрт. Там был рынок. Проезжая мимо ВОПа, на который вчера не доехало пополнение и почта, мы остановились и слили им половину воды. Я не слезал с брони. К бэтэру подошли бойцы. Они здоровались с моими. Выделялся коротко стриженный, накачанный, в чёрной майке, очень бойкий и, судя по всему, авторитетный. Он не обращал на меня никакого внимания и, когда все уже забрались на броню, фотографировал нас (боевой, наверное, получился снимок).

Бронетранспортёр въехал в широкую безлюдную улицу Сержень-Юрта, промчался по ней мимо мрачно-молчаливых кирпичных домов и остановился у рынка. Бойцы, не ожидая команды, посыпались с брони. Торговки – чеченки средних лет в тёмных косынках и платьях – были не улыбки и немногословны. Тёма и Каштан (Каштанов) набирали быстро сигареты, печенье и сладкую воду, остальные прикрывали. Я по названной чеченкой цене взял три плоские бутылки водки «Балтика».

Весь рынок состоял из четырёх торговых, продававших одинаковый товар в скромном ассортименте. Кроме двух сортов кофе, сигарет и мелочи вроде печенья широко был представлен наш армейский паёк: говяжья тушёнка, сгущёнка и рыбные консервы. Мы, единственные в тот момент покупатели, уложились не более чем в пять минут, бэтэр развернулся и помчался восвояси, поднимая пыль. Довольные бойцы делились впечатлениями. Так впервые я побывал в этом имевшем дурную славу ауле, не раз попадавшем и до, и после в сводки чеченской войны.

4

- Как съездили? По глазам вижу, что удачно.
- Не знаю, сияли ли мои глаза, но капитан оживился не на шутку.
- Петручио!
- Я, тарищ капитан.
- Ужин когда у нас?
- Всё уже готово, только компот доварится.

– Где ты видел, Петручио, в армии на ужин компот? Компот бывает только в обед. Давай, строй всех, с котелками!..

Мы большими порциями пили заметно разбавленную водку, закусывали моим привезённым из дома салом, сыром и тушёнкой. После первых кружек выходили стрелять по бутылкам, и я стрелял хорошо.

Смеркалось. Мы распивали вторую, и капитан Корнеев постепенно становился Игорем, а я Сан Санычем, хотя Санычем никогда не был.

Оказалось, что Корнеев стал командиром ВОПа необычным образом. К нашему полку он не имел никакого отношения, а служил в Питере в каком-то управлении. Его направили в Моздок как замполита-психолога с гуманитаркой, со сроком командировки один месяц. Но где Моздок, там и Чечня, а где месяц, там и три. Занесла его нелегкая в наш полк, а в полку замполитов и психологов и своих хватает, а командиров взводов – наоборот, не хватает. Вот и попросили временно, а это дело известное.

Тяготился Игорь страшно всем этим командованием, на своём спокойном месте капитан давно отвык от личного состава. Успокаивал он себя только тем, что за каждый день в Чечне нам начислялось 950 рублей. Каждое утро Корнеев высчитывал, сколько он заработал сегодня, и только это придавало капитану силы. Меня его подсчёты забавляли. Нужно сказать, что тогда на слуху у всех были разговоры о появившихся всего несколько месяцев назад огромных для военного человека «боевых» деньгах, многие не скрывали, что едут в Чечню на заработки. И отношение Игоря к своей боевой деятельности не казалось противоестественным.

Узнал я ещё, что Игорь, как и я, военное училище не заканчивал, но не потому, что учился в университете, а потому, что служил десять лет прапорщиком по комсомольской линии, по этой же линии, ставшей воспитательной, и перешёл в штаб, а оттуда его направили на трёхмесячные курсы – получил лейтенанта, потом, через два года, старлея и совсем недавно, перед командировкой, – капитана.

5

Мы пили водку из третьей бутылки и переходили уже из той стадии опьянения, в которой говорят о женщинах, в следующую. Лицо Корнеева всё больше становилось дубовато-воинственным.

– Сан Саныч, а ведь противник не дремлет!

– Не дремлет?

– Не дремлет!.. Надо потрепать его... Давай по последней... разливай, чё там, и в бой!

– Давай. За нас...

Через минуту Корнеев снимал трубку и накручивал аппарат полевой связи.

– Товарищ майор? Сергей Евгенич, разрешите открыть огонь?.. Есть уничтожить!.. Есть поддержать огонь!..

К майору Головченко вчера тоже приехала «замена» в виде замполита батальона Лихолата. И там, на РОПе, наше руководство, очевидно, находилось в той же фазе воинственности, что и мы.

– Никакучий тоже Головченко. Сам кричит, чтобы я его поддержал огнём. По нему противник собирается нанести удар... Кошевой!!!

– Я, тащ...

– Елагина ко мне! Всех сержантов давай сюда!

– Понял.

– Не «понял», а «есть», тащ сержант!..

Я шёл во тьме через дорогу за Кошевым на позицию ЗУ-23. Расчёт уже приноравливался. Два длинных спаренных ствола поворачивались влево-вправо, опускались в направлении реки

и устремлялись в звёздное небо. Нас у зенитки собралось человек семь-восемь – целая боевая группа. Коренастый сержант-зенитчик Елагин с Корнеевым уточняли цели. Капитан ждал выстрелов РОПа. Наконец из-за горного массива потянулись трассирующие ленты.

Тишина взорвалась. «Огонь!» Зэушка задрожала, огненные пунктиры понеслись в заснувшие горы на другом берегу реки. «Огонь!»...

Зрелище было потрясающим. С РОПа взметнулись две осветительные ракеты – зелёная и красная. Корнеев выхватил из рук бойца автомат и забил длинными очередями в след светящихся трасс. Потом в руках капитана оказался пулемёт ПК. Сотрясаясь от толчков тяжёлого пулемёта, во вспышках, в свете ракет, он на миг выходил из тьмы и снова превращался в беснующийся силуэт. Все уже стреляли из автоматов, и я тоже в упоении разряжал магазин в чёрные вершины.

6

Служба с Корнеевым нравилась мне. Капитан предоставил мне полную свободу действий. Под моим руководством началась отрывка хода сообщения от землянки к позиции ПК и противоосколочной щели (я где-то по пути на ВОП услышал о миномётных обстрелах, которые, как потом оказалось, если и случались, то из-за «высокого мастерства» наших же полковых миномётчиков).

Работа шла медленно, каменистый грунт постоянно требовал кирок и ломов, их не хватало (кирки ломались, а ломы бойцы по своей расхлябанности зарывали в бруствер); но я не унывал и заразил даже, на сколько это было возможно, своей энергией солдат. Самые отъявленные разгильдяи у меня из-под палки тоже копали. Я боролся с автономией приданных зенитчиков и пэтэбэшников. Требовал от них работы на общих позициях. В целях маскировки я запретил ношение незащитных золотистых кокард (один боец даже умудрился нацепить значок отличника и классность, а Кошевой так начистил бляху ремня, что чеченский снайпер мог бы, наверное, ослепнуть). За этим всем я строго следил, выдирал кокарды из кепок, забирал незащитные сержантские уголки.

Корнеев ни во что не вмешивался, а являл на ВОПе устрашающую силу (он легко, за любую провинность, избивал солдат). Капитан целый день спал, слушал музыку (полуразбитый «трофейный» магнитофон), метал в дерево нож или читал мою «Мастер и Маргариту» – эдакий барин в деревне. Меня такое положение дел вполне устраивало.

Я видел, что Корнеев всю собирает домой. Головченко и Лихолату он всячески расхваливал мою работу, доказывая, что я отлично справлюсь и без него; каждый день он выходил на полк и спрашивал, нет ли приказа по нему. В душе я, совершенно эгоистически, не желал отъезда Игоря. Мы сошлись уже с ним, он был начитан, здраво рассуждал, в общем – был интересным собеседником; да и боялся я, конечно, остаться один. Тяжело одному офицеру со взводом в таком удалении от базового центра, даже опытному, а опыта у меня не было никакого: на срочной службе, восемь лет назад, в мои обязанности входила забивка баллонов сжатым воздухом, что никак не могло пригодиться в чеченских горах.

По ночам меня будил дежуривший сержант – Тёма или Кошевой, и мы вместе шли проверять посты. Я относился к этой обязанности ответственно, не ленился подниматься на самые дальние посты, не обращая, случалось, внимания на ливень. Часовые почти всегда спали, сержант пинал их ногами; утром я читал перед строем лекцию, красочно приводил собственного изготовления примеры вырезанных ВОПов, рассказывал о проспавшей роте десантников, погибшей не так давно в Аргунском ущелье (проспали ли они, я не знал, а от кого-то слышал, но так мне нужно было для внушения); я спрашивал у них: кто хочет стать Героем России посмертно?.. Желающих не было, но в следующую ночь посты вместо окликов всё равно издавали похрапывания.

7

Позиции наши были крайне неудачными, располагались на двух вершинах, зэушка вообще стояла на отшибе, за дорогой, – совершенная бессмыслица была в этой навязанной командованием полка диспозиции. Посты располагались так, что мимо них к землянке, центру ВОПа, легко можно было пройти с любой стороны, и по-другому посты, самое главное, выставить было невозможно. Мин в полку не было, гранаты на растяжку нам ставить не разрешали.

В один из дней мы с Корнеевым пошли всё-таки растяжки между вершинами и по скату, под которым находилась землянка. Непокойно как-то начало становиться, вроде бы на самом деле обстреляли ночью первый ВОП (наш считался вторым).

– Ну их на хуй с их приказами!.. Сами пусть здесь посидят с пятнадцатью бойцами... – Корнеев вытащил из-под кровати ящик, взял оттуда несколько гранат, достал моточек тонюсенькой птуровской проволоки, и мы пошли на минирование.

По низине мы прошли мимо огороженного плетнём места для умывания, «туалета» – ямы с положенными на неё досками, и в гору стали углубляться в серый унылый лес.

Сырой от прошедшего ночью дождя валежник глухо хрустел под ногами, изредка шумно падали отжившие ветки – тогда мы невольно останавливались и прислушивались. Корнеев заметно крадущейся походкой шёл первым, всматриваясь под ноги и в пространство между деревьями, я – следом за ним.

– Взрывпакеты взрывал в детстве из магния?.. То же самое...

Капитан показывал мне, как закрепляется граната, натягивается от дерева к дереву проволока; он делал всё сам и в наиболее ответственный момент, когда от неосторожного движения руки взрыватель мог сработать, заставлял меня спускаться и заходить за дерево. Я сопротивлялся, но Корнеев умел добиваться своего.

– Ты всё и так понял. Нечего лишний раз... успеешь...

И я, отойдя на несколько шагов, с замиранием сердца следил за тем, как сосредоточенно колдует Корнеев над миной. Его спокойствие, уверенность невольно вселяли уважение к нему. Я знал, что до командировки он никакой подрывной подготовки не проходил и что сейчас самостоятельно впервые ставит растяжки. Позже, вероятно, отчасти именно из-за впечатления этого дня, я не мог поверить рассказам о трусости Корнеева и защищал его. Но как относительно всё в этом мире, и особенно на войне.

8

Вставал я рано, делал зарядку, дышал чистейшим воздухом на склоне в лесу, брился. Корнеев спал до завтрака. Потом мы ели, я разводил бойцов на работы, шёл их проверять и науськивать, чтобы действительно копали, а не имитировали, и приходил к Игорю в землянку. Мы пили дрянной растворимый кофе, на самом деле бывший пережжённым какао, разговаривали.

Помню, что Игорь рассказывал о своих двух дочках, он скучал по ним, особенно по младшей. Мы говорили о жёнах, о «боевых», о бестолковом командовании и бойцах, о «Мастере и Маргарите» (Корнеев очень любил эту книгу и перечитывал её несколько раз). Каждый рассказывал смешное из своей жизни, говорили о проблеме супружеских измен, драках, кадровых офицерах (закончивших военные училища и чересчур этим гордившихся), Петербурге и срочной службе. По вечерам мы иногда стреляли из автоматов или снайперской винтовки по бутылкам. Водку больше не пили – не ездили за ней.

Как-то под вечер позвонил Лихолат. Корнеев взял трубку.

– Ну, как лейтенант у тебя там (мне был слышен его хриплый голос)?

– Александр?.. Молодец, хорошо работает, по семь шкур с бойцов дерёт...

– По-моему, ты меня наёбуешь... Ладно... Пришло распоряжение... Подготовь на бойцов: там человека три – больше не надо – отличившихся... на медали наградные... И на себя – на «Мужество». Нормально отработал... Я завтра поеду на первый, заберу...

В следующий день я занимался наградными листами. Отличившихся бойцов у нас не было, но приказ есть приказ, и мы выбрали самых толковых из дембелей: Кошевого (Тёма пролетел за свой дерзкий характер), Гамиятуллина и Данилова. В любом случае они проторчали в этих горах по шесть месяцев, перенесли в своих рваных бушлатиках мерзкую слякотную зиму, вшивели, закопчённые, грелись у ядовитого солярного пламени, выдержали несколько переездов, и не их вина, что не выпало на их долю боев. Дембель есть дембель. У других ещё будет возможность отличиться, а эти отслужили и заслужили – в этом я не сомневался.

На Гамиятуллина легко было писать наградной: в начале кампании он участвовал в зачистках. Кошевому я сделал упор на умелое руководство подразделением в боевых условиях, а вот с Даниловым пришлось повозиться. Неприметный был солдатик, послушный, нигде не участвовал, а помогал повару на кухне, но что-то и о нём написал героическое.

Пока я расписывал несуществующие подвиги солдат, Корнеев в землянке сочинял наградной на себя. Делал он это в полной секретности. Перспектива получить орден ему пришлась по душе (он не лишён был честолюбия), писал и, как школьник, закрывался от меня, но сказал:

– Посидишь тут три месяца, и тебе будет что написать.

Всё-таки я потом у него выпросил – где-то на кладбище работал снайпер, и Корнеев «выдвинулся и подавил огневую точку», то есть стрелок этот стрелять перестал, и ещё что-то там в этом роде написал тогда Корнеев, по большому счету, так же, как и я в солдатских листах, из мухи раздув слона.

Такая лёгкость с награждениями, возможность и самому получить награду (даже без особых заслуг) распалила меня тогда. Но всё это оказалось лишь призраком, пронёсшимся по блиндажам и землянкам из какого-то высокого штаба. Не награждали нас, а ругали и наказывали. Война была работой. Нашей работой, и больше ничем.

Получил ли Игорь этот орден, я не знаю. Вполне мог получить (он пробивной мужик был), если подписал наградной у командира полка, а потом увёз в своё управление. Бойцы же медалей точно не увидели. Не нужны их наградные стали уже на следующий день, Лихолат за ними и не приехал. Солдат в Чечне вообще редко награждали, если только на крупных операциях или раненых (и убитых – посмертно).

9

В последнюю ночь на ВОПе капитана Корнеева я, уже не помню почему, пошёл проверять посты один, без сержанта, и впервые ударил солдата, контрактника-чмошника, который улёгся на посту спать, тут же после того как я его проверил. С первого ВОПа слышались отдалённые глухие выстрелы, били из тяжёлого оружия, АГСов. Связи не было.

Утром, как ужаленный, мимо нас пронёсся на бэтэре командир первого, старший лейтенант Изюмцев. Тогда уже у меня как-то нехорошо стало на душе.

Изюмцев, напуганный ночным обстрелом, выпросил в полку меня и солдат (которых так и не дождался от Корнеева со дня моего приезда). И я, получив по телефону подтверждение у Лихолата, попрощавшись навсегда с Игорем, отправился с тягостным чувством, под злобные ухмылки освободившихся вдруг от излишней опеки бойцов на первый ВОП, который в скором времени принял в самостоятельное командование. На этом ВОПе я нашёл солдат, задёрганных мелочным и жёстким Изюмцевым, озлобленных, не понимающих никаких слов, кроме матерных, а подчиняющихся только крепкому кулаку. И я, немного помявшись, уже вовсю дубасил солдат не хуже Корнеева и не хуже Корнеева потом их распустил.

Однажды, когда Изюмцев ещё не уехал, к нам на первый ВОП приехал наконец ставить настоящие мины – монки и озэмки – начальник инженерной службы полка капитан Мансуров. Мы все втроём лазили по расщелине за дорогой у реки, ставили растяжки, а когда возвращались на ВОП, мимо проехал корнеевский БТР. Тёма, опёршись о башню, лихо сидел на командирском месте, его белобрысые волосы развевались на ветру. «За водкой», – пронеслось у меня в голове.

– Куда это они? – недоумённо спросил Мансуров.

– В Сержень-Юрт, наверное, – ответил я.

Мансуров пришёл в ещё большее недоумение:

– Ни фиги себе!.. А кто старший на броне?.. Этот что, белый, контрактник?

– Срочник...

Вскоре один из ВОПов нашего батальона, прикрывавший мост через реку, сократили за недостатком людей, и его командир, мой ротный, капитан Борисенко, сменил Корнеева.

Потом возмущённый Борисенко рассказывал, что Корнеев умчался с ВОПа, не утруждая себя передачей вооружения и всего остального, ничего не пояснив ему о минных полях и бесполковых позициях, разбросанных по двум высотам, и с зениткой на другой стороне дороги.

***

Когда летом, после трёх с половиной месяцев командировки, я, загорелый как чёрт и обстрелянный, пил в ПВД прощальные чарки дагестанского коньяка местного разлива (с привкусом ванилина), прапорщик, бывший с Корнеевым на ВОПе с его приезда, ехидно рассказывал, что капитан был трусоват, первое время пугался каждого шороха и от выстрелов прятался в землянку, и снайпер тот на кладбище был не снайпером вовсе, и Корнеев в той истории вообще ни при чём. Я стал спорить с ним, и мы, оба пьяные и заменяющиеся, бросились друг на друга с кулаками.

Мы не проломили друг другу черепа, не свернули челюсти и носы – нас разняли.

4. Безбашенный

Недели две уже Безуглов был на выезде. ВОП ему не доверили, а придали на усиление к прапорщику. Так-то Безуглов командир взвода, но прапорщик, конечно, всем управляет. Солдаты его называют – командир, а Безуглов так. Ничего, примирился. Сначала только самолюбие задело. Думает – прапорщик ещё в первую воевал, буду хорошо делать, что нужно. Пока ещё не знал, что нужно, а увлекался то тем, то этим.

Поделили они ночь на две половины. Прапорщик отдал молодому лейтенанту более лёгкую первую смену: «Будем это... так службу нести. Первые полночи ты посты проверяешь, вторую – я. А то это... уснут они, всем тут горло перережут». Хорошо. Так и несут.

Бить солдат Безуглов не решался, а слова на них не действуют – тоже вымотались за день не хуже. Есть дальние посты на пригорках, вроде секретов. Пока на один пост подынешься, на том, что уже был, солдат уснул. Автомат под себя подальше спрячет, ремнём обмотается, руки как-то обмотает им – пусть режут его, автомат не отдаст. Русский солдат на посту. Летёха, думает, по характеру мягкий, неопытный, не так давно из училища, можно слегка покемарить.

Безуглов отмаялся своё дежурство, разбудил прапорщика, лёг на кровать. Бушлатом накрылся. Провалился в сон и тут же вскочил. Приснилось что-то. Там иной раз такое снится, что схватишься во сне за гранату – хорошо, если чеку не выдернешь.

И вокруг как-то странно. Тихо. Обычно пальба отовсюду – привыкаешь к этому. А тут тишина. Даже сова не гугукнет. На соседней «Рапире-7» всю ночь стреляют на каждый шорох – вырезали их, что ли? Вызвал по радиации «Рапиру» – всё нормально. Вышел из блиндажа. Ночь стоит, небо звёздами усыпано. Сидел, печку топил до утра. Сон и от тепла не берёт, мысли в голову лезут.

С утра он патроны считал на постах и на пункте боепитания, рапорт составлял – комбат требовал. Потом ещё что-то. Пообедал. После обеда взялся с солдатами окопы рыть. Тут уже прапорщик говорит: «Ты это... хватает бойцов тут. А надо нарисовать это... схему огня». Безуглов отдал лопату бойцу, пошёл рисовать схему огня.

ВОП высоко на обрыве, весь как на ладони с окружающих гор. Правда, расстояние от них довольно большое. Безуглов расположился на самом открытом месте, в центре ВОПа, чтоб сектора обстрела были лучше видны. Сидит в складном кресле, наносит на схему ориентиры. Всё, где надо, под линейку, где надо, в цвете. Хорошо получается – в училище они проходили на военной топографии. Жарко. Весна ещё, а солнце палит как летом. И так его, конечно, в сон и сморило.

А Безуглов носил тёмные очки. Посмотрел, наверное, американский фильм про Вьетнам и думал, что и у нас это будет неплохо в Чечне. Когда схему рисовал, очки сдвинул на лоб. Решил передохнуть, откинулся на спинку, очки на глаза сдвинул и уснул. Со стороны посмотришь – сидит лейтенант в кресле. Будто бы обозревает, как солдаты роют окопы. И тут начинается обстрел ВОПа.

Полоснули из автомата. И потом как будто из пулемёта. И одиночными: туф, туф. Пуля ударила во что-то деревянное, другая срикошетировала – взвизгнула. Все в окопы хлынули, головы попрятали, надели кто каски. Война идёт настоящая. БМП из пушки во все стороны горы прочёсывает. Грохот стоит. Солдаты лупят из автоматов куда попало. Безуглов сидит в кресле в тёмных очках. Вид у него спокойный и невозмутимый.

Всего минут пять-десять это длилось. Может, чуть больше – там не поймёшь. БМП в горы один БК выбросила, чеченцы больше не стреляют, прапорщик дал отбой. Безуглов от тишины проснулся, очки на лоб сдвинул. И дальше схему рисует – чего, мол, кипиш подымать из-за пары очередей?

Прапорщик подошёл, внимательно посмотрел на схему, на Безуглова, сказал: «Ты это... всё же не сиди так в открытую». Бойцы потом спрашивают: «Товарищ лейтенант, а вам не страшно было?» Он: «А чего страшного?»

Так он и стал Безбашенным. Солдаты его очень уважали, даже старались не спать на постах. Прапорщика в скором времени отпустили домой, и Безбашенный самостоятельно командовал ВОПом до конца командировки. Потом он действительно неплохо держался под пулями.

5. На выезде

1

Убожко впервые видел в Чечне такую великолепную баню. Собственность ремонтной роты *** полка. Обыкновенный металлический каркас из подручного материала, обтянутый плащ-палатками. Вода нагревается на железной печке. Но самое главное – в топку по медицинской капельнице поступает солярка из канистры. И от этого изобретения очень ярко горят сырые дрова. Можно сколько хочешь плескать на печку воду. Огонь не гаснет от брызг и идёт пар.

В Шали капитан Убожко с майором Тушевым каждый вечер мылись в бане. Они приехали из Дышне-Ведено за топливом для своего полка.

– Уф!.. Ну, умельцы, ты смотри... Что значит сварка своя!..

– Харрашо...

Офицеры от души обливали друг друга почти кипятком, кряхтели и урчали от удовольствия.

После бани Тушев шёл в общество управленцев, а Убожко садился за стол под деревьями пить водку с водителями-контрактниками. Это были станичные мужики, ездившие в Чечню на заработки.

Потом приходил Михалыч, старшина ремроты. Он весь день беспощадно боролся с бойцами, орал, матерился и сейчас заставляет себя уговаривать, прежде чем возьмёт первую кружку с водкой. Но все знают, что это добродушный, хороший человек, а строгий вид у него от работы.

Днём в ремроту волокут разбитую технику, без траков, с пробоинами. Но когда темнеет, силуэты покалеченных бронемашин превращаются в тени причудливой формы. Всё пространство вокруг заполняет стрекот сверчков, а люди за столом становятся самыми родными. Поздно ночью размякший Убожко входил в палатку ремроты, валился на кровать с чистыми простынями.

2

В пятницу 23 июня 2000 года в три часа дня колонну бензовозов на Дышне-Ведено ждут прапорщик Гузик, женщина-финансист Сазонтова и лейтенант Кудинов. Они долго стоят в тени деревьев возле дороги или садятся в траву – но сидеть им тоже надоело. Бензовозы уже залиты солярой, но ожидают какой-то приказ. Тушев не вытерпел и ушёл ругаться.

Убожко слушает музыку в кабине бортовой машины с тентом. КАМАЗ почти упёрся бампером в дерево у палатки, чтобы лучше укрыться в тени. От него далеко раздаётся гнусавый голос: «...Водку я налил в стакан и спроси-ил... И стакан гранёный мне отвеча-ал... Сколько жил и сколько в жизни ты своей потерял. Этого никогда я не знал...» Тушев, пройдя через поле по упругой от солнца траве, открыл дверцу кабины.

– Чё сидишь, ёпта?! Скоро поедем.

– Ты куда? – Убожко приподнялся и сделал тише музыку.

– К Мазурину, ёпта, дотемна не доедем.

– Обратнo пойдёшь, загляни...

Шали – предгорье. Далеко на горизонте видны горы. Вечером они наливаются мягким фиолетовым светом, а сейчас только серые и хмурые. Четыре часа. Машины по-прежнему стоят на солнцепеке. На поле с желтоватой травой ложится горячий воздух. Убожко идёт к колонне. С другого края, клопоча винтами, поднимаются сразу два вертолётa Ми-8. Тин-угун – отдаёт

в груди. Это батарея гаубиц посылает снаряды в хмурые горы, которые уже и не горы вовсе, а квадраты на листе бумаги.

– Убожко вылез, – маленький Гузик наморщил лицо и сплюнул.

Сазонтова обернулась: – Господи, какой же он жалкий. С такими кривыми ногами. Сколько ему лет?

– У него сегодня день рождения, – невпопад сказал Кудинов.

Сазонтова посмотрела на лейтенанта и снисходительно улыбнулась.

Подойдя к однополчанам, Убожко стал слушать Сазонтову, с удовольствием забиравшую всё мужское внимание. Она рассказывала смешную историю, происшедшую в ППД с женой командира третьего батальона.

– Не будет сегодня колонны, – шурясь от солнца, сказал Гузик.

– Не спеши, а то успеешь, – сказал Убожко, ни к кому не обращаясь.

Но в шестнадцать сорок колонна вытягивает залитые солярой ЗИЛы-бензовозы и выкрашенный под жабу бортовой «Урал». Сапёры Гузика оседлали снаряжные ящики с минами в кузове «Урала». Хоть и были места в кабинах, Убожко и Кудинов, помявшись, тоже забрались в кузов.

3

Колонна поднимает жёлтую глинистую пыль. «Урал» тарыхтит бортами, в кузове все подпрыгивают на ящиках с минами. Убожко сидит по левому борту, спиной к кабине. Он поставил ногу на ящик, завёл левую руку в ремень автомата.

Напротив него, свесившись над бортом, сидит контрактник-сапёр. Это забавный контрактник. Его голова повязана чёрной косынкой, а трофейную (с чеченским флагом) разгрузку он надел на голое тело, загорелое и накачанное. Убожко привлёк скорпион на его плече. Видно, что татуировка сделана в хорошем салоне.

Об этом контрактнике Убожко слышал, что весной, когда полковые миномётчики неправильно взяли прицел и обстреляли полк, его посекло осколками.

Кудинов всматривается в то нависающую над головой, то убегающую от дороги зелёнку. Он был в Ханкале на курсах авианаводчиков и поэтому едет без автомата. Бойцы негромко разговаривают. Весёлый сапёр из команды Гузика рассказывает сержанту с автомобильными эмблемами историю о том, как «сочинец» сбежал из поезда в берцах поймавшего его старшего лейтенанта. Сапёр косится на офицеров, тактично проговаривает «старший лейтенант», вместо «старлей», хотя Кудинов вряд ли бы решился на замечания чужому бойцу, а Убожко всё равно не слушает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.